

Tul_06_24_Shveibysh

12.07.06, Тульчин

Инф.: Швейбыш Рита Гениховна (Эйнаховна), 1937 г.р.

Соб.: А. Соколова.

Соб.: Я буду записывать все, что вы говорите.

Инф.: Почему ты так решила, что я...

Соб.: Ну... интересно.

Инф.: Интересно?

Соб.: Ну конечно, горели лампы... <0 00 12> там окошечки
сделаны...

Инф.: Да. Это раз. Потом: я лично помню, как хоронили до войны.
Как... я ж была масюпочка, ребенок...

Соб.: Да...

Инф.: Но умер мой дедушка, папин отец. Они жили вот здесь на
Капшуновке возле кладбища, недалеко. И я, как сегодня, помню, как его
хоронили, без гроба, на каких-то... типа... какое-то, что-то такое было
сделано типа носилок, и бегом-бегом, бежали! И был он во всем белом.
Это был май сорок первого года, накануне войны. И года его опустили
в могилу, он был полусидя. Там была такая ниша, и туда его
поместили. Не так, как сейчас, вот ложат буквально, вот. Я так
запомнила. Но это... значит, сорок первый год был, когда входите в
кладбище, уже теперешнее, с левой стороны.

Соб.: Угу, угу.

Инф.: Там были довоенные вот эти, тридцать шестой... и так
далее, так далее. Та, вторая половина, справа, – то были захоронения во
время... когда была чума. А потом, через много лет – это уже по
второму разу. Вот эти могилы, что сейчас, вот эти красивые памятники,
всё – это уже послевоенные, или перед самой войной, но это уже
новые.

Соб.: Ну да, это-то видно, где какое время, это и написано, и
видно... Вот, а это как бы... там, конечно, огромная работа
проделана...

Инф.: И еще много работы есть, и он уже начинает ныть. Сегодня я
встретила его жену, она... «Чуть ли мы... что мы не будем...» Я хотела
ей сказать: «Люда, к вам люди приезжают, вам дают большие деньги, и
вы тогда ничего не говорите. А если приходится немножко скосить...»
Но в этом году очень много травы. Дожди были, и травы много. Ну так
что делать? Я рассчитаюсь, я ж не говорю нет. Вот...

Соб.: Ну да... [перерыв записи] Абрам Раппопорт.

Инф.: Да. Он был врач. Он был очень поря[дочный] ... он был
самый простой маляр! Маляр, он ходил, людям делал ремонт, и красил,
трафаретом... он был очень добрый, вы знаете, и когда я кончала
медучилище, а, конечно, не собиралась идти на выпуск, потому что мне
ни одеться, ни обуться, и ни... в чем я пойду? И вдруг я получаю

перевод: двести рублей. В то время то были большие деньги, это был пятьдесят пятый год. И он мне пишет... я не знаю, или это были его деньги, или это были собранные деньги, я не буду говорить, я не знаю. Жена его была тетя Хона. Очень порядочная семья, очень порядочная. И когда я получила эти деньги, я думаю: «Кто же мне прислал деньги, у меня ж никого нет! Кто мне прислал?» А было написано на переводе: «Дорогая Риточка! Посылаю тебе двести рублей. Купи себе платье и иди на выпуск».

Соб.: Класс!

Инф.: Это было для меня шок! Я так плакала, потому что мы с очень... из семьи ихес, бывшие... он хорошо знал моих родителей. Вот... мы сами тульчинские... и я, конечно, купила себе пла[тье]... материал, пошила платье и пошла только на торжественную часть, я была. Вот, такое было у меня. А потом, мы жили уже... как-то так получилось, что мы жили рядом. Ну, я ходила туда уже, уколы делала, что надо, там, проконсультироваться и так далее. Они были... чрезмерно!.. Ват это был цадик! Вот это был настоящий образ жизни еврея! Настоящий. И жена его. У него был сын Ньюма, у него была дочь Фрида. Ньюма жил где-то на Донбассе [понижив голос] Ньюма немножко спился... разошелся с женой. Он был тоже женат на такой... состоятельной женщине, отец ее был хороший портной в Тульчине, вот. Но они разошлись. И у этого Ньюмы уже взрослая была дочь, по моему... Вот, а потом, он когда умер, я была на похоронах, всё, и я знаю, где он похоронен, этот...

Соб.: Этот сын?

Инф.: Нет, этот старик. Старик, Абрам. Вот, но я... он оставил место себе для нее. Но она уехала к Фриде, она там умерла. Фрида уехала в Израиль. И вот они мне как-то звонили ихние, что «Рита, если будет порядочный мужчина, можно положить за эту ограду». Вот. Там же место есть.

Соб.: Понятно.

Инф.: Вот, но я туда никого не ложила. Потому что...

Соб.: Нет, ну а чего, зачем? А что, нехорошо, что...

Инф.: Нет, если, пока что, понимаете, там есть места, во-вторых...

Соб.: Чтобы ухаживали за...

Инф.: Надо снимать тогда эту ограду...

Соб.: А им, зачем они хотят, чтобы...

Инф.: Они просто хотели, чтоб там не пустовало это место.

Соб.: Понятно... Да, интересно. А вот его жена, вы говорите, Хона, да, ее звали?

Инф.: Хона.

Соб.: А из какой она семьи была?

Инф.: Она нигде не работала. Семья – происхождение я не знаю ее, я ее уже знаю, как жену его, вот уже...

Соб.: Аня в таком восторге от ваших рассказов про ихес! Это ее тема...

Инф.: Эта девочка, да?

Соб.: Она вообще! То есть просто у нас каждый вечер прыгает под потолок!

Инф.: Приезжайте, приезжайте к нам! Мы вас поведем, мы еще с людьми будем беседовать...

Соб.: Да, еще можно поговорить...

Инф.: И сколько вы ни приезжаете, это обогащает людей и обогащает вас.

Соб.: Да, они начинают вспоминать, разговаривать между собой...

Инф.: Да. У них работают мозги. бесспорно

Соб.: Да-да-да. Какие-то воспоминания, это неплохо.

Инф.: У них приходит новый человек, в ихнюю жизнь, вспоминает ихнюю молодость. Я лично очень это приветствую.

Соб.: Ну, и хорошо, что... хорошо. Ну а вот еще Аня как бы просила меня спросить: а вот это слово, и то, что это связано с происхождением: откуда вы это знаете? Вы где-то читали или это...

Инф.: Я... нет, я не читала.

Соб.: А как...

Инф.: Но я вам скажу, что я, во-первых, воспитывалась... мне только было пять лет, когда это...

Соб.: Да...

Инф.: Но в концлагере у нас все разговаривали только на еврейском, и там же были одни евреи. И там как просвещение было. Хоть это было, каждый день ждали смерти, каждый день считался последним, но как-то это так было. И после войны это было очень важно. Сразу после войны еще меньше смотрели на это всё, приданое. Вот, а больше-таки смотрели... происхождение еврейское.

Соб.: А что значит, вот вы говорите, прямо в Печорах, что значит «просвещение»? то есть, кто-то что-то рассказывал?

Инф.: Там было очень много раввинов. Там было очень много цадиков. Ведь когда нас уже убивали, когда уже было край, как говорится, они стояли и читали, и молились, и... ну уже видели, что уже всё, что уже конец, понимаете? Ведь это ж когда... осталась одна только яма пустая для нас. Остальные уже все погибли. Уже всех, кто живет, закопали, то расстреляли, то умерли, и эти большие [канавы] уже все заполнялись. А вот эта последняя осталась. И когда нас уже должны были последнюю партию туда вести, был приказ, чтобы не убивать евреев, румынский приказ, а чтобы мучить живьем. И тогда... этот ров я каждый год чищу. Я в память о том. Что я должна была в нем лежать, и все остальные мои, кто остался живой. Вот, нас осталось триста человек всего, из всех тысяч.

Соб.: Ну, как-то казалось, что... там так было тяжело, что нужно было... все силы люди отдавали, чтобы найти какую-то еду...

Инф.: Все равно пели.

Соб.: Да?

Инф.: Все равно пели. «Идише лидер» пели, и какие-то анекдоты, какие-то смешные истории...

Соб.: Рассказывали?

Инф.: Рассказывали для... чтобы отвлечь людей от этого грустного. Ну это так было... это раз. Во-вторых: я ж была ребенок. Дети так не воспринимали, как воспринимали люди в тридцать лет, в сорок лет, понимаете? Дети не понимали еще настолько, что это смерть, что это то, что это сё... это всё такое дело. И у нас вот этот, Плотицкий, он очень красиво пел. И он ходил по селам, кому надо было грустную песню, он пел грустную. Кому надо было весё... аф идиш. Кому надо было весёлую, он пел весёлую. За это ему что-то давали. А у него мама была парализованная. Ему надо было самому кушать и ее кормить. Еще у мамы было две сестры. Понимаете? Так это было таки действительно кошмар. Я никогда не думала, во-первых, что я останусь жить. Во-вторых, я никогда не думала, что это выпадет на мою долю, это всё.

Соб.: Ну конечно...

Инф.: И в-третьих, я никогда не думала, что евреи так быстро всё забудут и на такое дело не будут давать деньги. Это, я считаю... у каждого, кто живет в Тульчине, редко у кого там нет родных. А вот, например, такие как я, – там у меня все. Там у меня...

Соб.: Нет, ну как, ну ездят...

Инф.: Ну ездят, ездить – это еще не всё!

Соб.: Да, надо поддерживать...

Инф.: Для того чтобы ездить, во-первых, надо подумать, как это сделать, поехать, и прийти туда, чтобы покойным нашим... чтоб нам не было стыдно, что они в таком виде лежат!

Соб.: Да, ну это вот нужно, чтобы те люди, было стыдно не только те, у кого, но и... богатым, тем у кого есть деньги.

Инф.: Богатым не будет стыдно.

Соб.: Ну плохо!

Инф.: Это я считаю, что... я их передала на Бога. Во-первых, у меня нет привычки кого-то клясть. Это нельзя, и это законом нельзя еврейским и никогда. Но он сам – сел бы в машину, и один раз приехал...

Соб.: Неужели он ни разу не был?

Инф.: Ни разу.

Соб.: А как это, как это? Он что?..

Инф.: Он не тульчинский, он приехал откуда-то. Ему... привезли его после войны. Он попал в богатый дом. Ему всю жизнь везло материально. Я не знаю, как там жить...

Соб.: Ну хорошо, а его жена? Жена тульчинская?

Инф.: Жена? А жена его... потаскушка. Ей ничего не надо.

Соб.: Ну, она такая, вроде...

Инф.: Ну правильно, Лена.

Соб.: Она что-то тогда, мы столкнулись... была улица в Тульчине, где остались те, кто, видимо, считался нужным...

Инф.: Это гетто.

Соб.: Вот это гетто...

Инф.: Улица Володарского.

Соб.: Улица Володарского...

Инф.: Это возле церкви налево.

Соб.: Да...

Инф.: Да. На этой улице жил с левой стороны, первый дом, красильщик, Побережский. С правой стороны вот этой Лены Леховицер тетя, Рая Клецман. Ну, сейчас... она была Клецман, во время войны она была Шкизер. И так далее. Там были часовые мастера, там были... Равинер был часовой мастер, Лapidус был часовой мастер...

Соб.: Они остались с семьями?

Инф.: С семьями.

Соб.: В своих домах?

Инф.: И в своих домах.

Соб.: А были такие, кто жил в другом районе, а его оставили и переселили?

Инф.: Были. Были, были. Потому что основную массу людей, евреев забрали, а эти дома были пустые, и некоторых, их поселили. Но... вот даже этой Лены мама, тетя Рива покойная. Там она жила там, на этой улице. Потом, там Дехтерманы жили. Потом... ну всех я их знаю, помню, конечно. А уже в конце войны... ну, не войны, а перед освобождением, то... мы иногда вырывались с лагеря и приходили сюда. И я пришла однажды со своим братом. Был вечер, было уже довольно холодно. И мы зашли, с левой стороны жил Копл-заготовщик <? 0 13 57> Копл его звали, заготовщиком он был. Но... мы уж подошли туда к дверям и попросили, чтоб нам что-то дали. Вот, нас прогнали оттуда быстренько, вот, и я... прошли мы напротив, через дорогу. Там жили Рабинеры. И они не успели нам дать даже ничего покушать... это были очень... ну, действительно, цадики! Ну, такие люди были – бедные, но поделятся последней крошкой!

Соб.: А чем они занимались, почему их оставили?

Инф.: Часовой мастер был очень хороший. Честный такой, очень честный. Вот, у него было две дочки, Гитя и Зоя, и тетя Адель его жена была. И почему мы туда зашли? Мы услышали еврейскую речь под окном. И тогда мы постучали. И когда они нас впустили и хотели только дать кушать, то... а надо было дать несколько людей для торфоразработок под Гайсеном <? 0 14 59>. И он решил отдать моего брата, этот Копл. И он, его забрали. Тут же, он даже не поел. Его забрали. Я, конечно, очень плакала, всё... и я тогда пошла по всему

Тульчину, просить. И я напросила марки, и я пешком добралась туда, на те <0 46 27>, дала полицаю и выкупила брата.

Соб.: Ого! А почему вот эта улица? Почему на этой улице?

Инф.: Почему – я вам скажу почему. Улица небольшая. На этой улице была... было такое здание, в которое потом пригнали буковинских евреев. И они там имели где жить, и даже для ихних детей потом уже, в конце, сделали школу. И в эту школу уже шли и те дети, которые были на гетто. Я даже знаю считать < 0 16 06> но это мы выучили у себя в лагере. Потому что... на этом же ж тогда были вот эти марки, <0 16 18>, вот это всё.

Соб.: А почему их пригнали, оставили в гетто, а не...

Инф.: Уже, видимо, лагерь был... ну как вам сказать...

Соб.: Ну понятно...

Инф.: Уже был почти полупустой. И они, видимо, решили уже в лагерь не поселять.

Соб.: Ясно.

Инф.: Это уже был где-то конец сорок третьего года, а в марте, четырнадцатого марта сорок четвертого нас освободили.

Соб.: Но ведь эту улицу оставили... оставили там тульчинских евреев раньше, чем пригнали тех?

Инф.: Да, да. Да. Их оставили сразу, когда нас забрали...

Соб.: То есть это вот... эта улица – она так на периферии, да? Она вот... чем она, почему она...

Инф.: А я вам скажу, почему именно на той улице. Там рядом базар, недалеко.

Соб.: Это старый? Или новый?

Инф.: И новый, и старый.

Соб.: А, она как бы между...

Инф.: С одной стороны был... она была между двумя базарами. Это было для них важно.

Соб.: А почему это было для них важно?

Инф.: Для кого? Для румын? Для румын было важно.

Соб.: Почему? А, удобно, в смысле, зайти...

Инф.: Да, удобно, для них. Да. Во-первых, они могли зайти с той стороны базара, старого, меньше светиться, могли, если надо, зайти со стороны нового базара.

Соб.: Светиться – в смысле?..

Инф.: Ну, мало ли, в основном же колаборнисты были вот эти, запроданцы украинские, вот они делали все издевательства в основном.

Соб.: Угу...

Инф.: Понимаете, здесь же не было немцев, здесь были румыны.

Соб.: Ага, я поняла.

Инф.: Вот, им была эта улица. Улица небольшая. Домов там не очень много. Она была возле церкви. В церкву шли крестьяне. Крестьяне подходили, меняли. Евреи отдавали золото, евреи отдавали

всё, что у них было, вещи – какую-то скатерть, какое-то покрывало, что у кого было, – тот дал хлеба, тот дал что-то, картошки, вот какое-то, понимаете, вот это всё.

Соб.: Как вы думаете, кто решал, что вот на этой улице?

Инф.: А здесь был комендант.

Соб.: Ну то есть это было решение коменданта, он выбрал эту улицу?

Инф.: Да. Конечно. А комендатура находилась, вот эта, где били, издевались, убивали, – там, где сейчас почта, со двора.

Соб.: Но это далеко от этого места.

Инф.: Да.

Соб.: Это далеко...

Инф.: И еще где находилась эта вся ихняя бухгалтерия (так!) и так далее, – тут, где музыкальная школа.

Соб.: Угу... не, ну наверное, действительно вы правы, что рядом с базаром...

Инф.: С одним и с другим. Оно как-то было...

Соб.: Не видно.

Инф.: Не видно. Не так заметно. Если они приходили... для чего это, – они же их оставили, чтоб они их обслуживали.

Соб.: Обслуживали.

Инф.: Конечно. Они красили, они шили сапоги, они шили пальто, они ремонтировали часы, – они что-то делали для них!

Соб.: А дома там были вот такие, самые обычные, небольшие?..

Инф.: Нет, там были большие дома.

Соб.: Были большие?

Инф.: Да. Там есть дом, допустим, там может жить восемь семейств, семь, понимаете? Вот тот дом, где были Рабинеры, – это не ихний дом. Их туда заселили. Вот... ну, например...

Соб.: А вот эта улица – это считается Капцанивка или нет еще?

Инф.: Нет. Нет.

Соб.: Нет еще, да?

Инф.: Значит, кончается эта улица, потом идет... где первая школа... это была еврейская школа.

Соб.: Да, я знаю.

Инф.: До тридцать девятого года. В тридцать девятом году она стала украинская. А за этой школой, левей туда, вот то была уже Капцанивка.

Соб.: Угу. То есть если идти вот до школы, то как бы доходишь до школы, и вот туда дальше...

Инф.: Вот там, где уже Ермолинские, туда уже, где живут эти... то уже была Капцанивка.

Соб.: Я поняла. Угу, я поняла.

Инф.: Да, то уже жили капцúны. И там жили в основном только евреи. И там было характерно, что: дом, возле дома, так, как в Шаргороде, не было пустого места, а впритирочку, впритулочку...

Соб.: А на Володарского было посвободнее?

Инф.: Да.

Соб.: Да, посвободнее?

Инф.: Да. Там было посвободнее. А тут, где был старый базар, до войны были... торговали евреи. Продавали всё, что хотите. Продавали водку, продавали... всё, всё, шо могли, продавали. Даже на рюмочки продавали. Вот так это...

Соб.: В смысле, выпить рюмочку?

Инф.: Да, выпил, заходил мужик, выпил там, сколько ему надо, рюмку-две-три. А тут мужик продавал на вязочки дрова, а тут продавали еще шо-то, еще шо-то.

Соб.: А была специфика какая-то у этого базара и того, который был большой?

Инф.: Нет. Значит, этот базар... до войны это был базар. Вот старый базар. А потом, уже когда кончилась война, больше уже был здесь базар, больший, а тот тоже функционировал. Было как бы два базара. Это раз, а третий базар был за домом Пестеля на горе.

Соб.: Это я знаю, это <0 21 37>

Инф.: Там торговица была, продавали свиньи, там, телицу, корову, коня, такое вот такое всё.

Соб.: Но ведь... тот назывался Олтермарк...

Инф.: Олтермаркт, Найермарк.

Соб.: А вот Найермарк – он же был до войны, и...

Инф.: Ну, не настолько. Он был как второстепенный.

Соб.: Да?

Инф.: Олтермарк был Олтермарк.

Соб.: Главный?

Инф.: Да, главный был. И потом, вы же видели, вот на Ленинской – заезжие дворы...

Соб.: Да-да-да.

Инф.: Вы же видели – даже жалюзи еврейские.

Соб.: Да-а.

Инф.: Это всё были магазины. Здесь была очень развита торговля. Здесь выделывали кожи, здесь выделывали с этих кож всё на свете. Было очень много шистерс. Шистер – это сапожник. Шнадер – это портной. Зейгермахер – это который ремонтирует часы.

Соб.: Зейгермахер?

Инф.: Да. Вот, и понимаете, разные-разные... ну...

Соб.: То есть не было такого, что этот ноермарк...

Инф.: Найермарк.

Соб.: Найермарк, что там больше продуктов, например?

Инф.: Нет. <0 22 54> и потом, допустим, тогда же продавали... не давали десяток яиц, – одно яйцо, два яйца, три яйца. И так далее. Там фрукты... понимаете, всё... курей очень много было живых, продавали...

Соб.: Да, рассказывали, как дети ходили...

Инф.: Да, да, да!

Соб.: Интересно. А вот еще такой вопрос: название вот... шилгос все знают...

Инф.: Да, потому что шилн было десять в Тульчине. И было очень много шилн, для богатых была шил, была шил на Капцунивке, для капцу́нем...

Соб.: А что это была за шил, вот на Капцанив... Капцунивке?

Инф.: Для капцунем была шил.

Соб.: Нет, ну...

Инф.: Ну туда в основном ходили сапожники, портные, вот всякие такие люди... заготовщики...

Соб.: Это была комната в чьем-то доме или это было здание?

Инф.: Нет, это было здание.

Соб.: Это было здание?

Инф.: Да. Да! Это была шил! Было десять шилн. Вот здесь, возле музея тоже была шил, в переулочке.

Соб.: Возле музея...

Инф.: В переулочке, когда вы идете к Геккерам, к этим, Леховицерам.

Соб.: Там была шил?

Инф.: Да.

Соб.: Вау! За музеем как бы получается?

Инф.: За музеем, да.

Соб.: Вау! Дело в том, что есть старый...

[перебивает нрзб 0 24 24]...

Соб.: Я знаю... а что это было за здание? Это было кирпичное здание?

Инф.: Я не помню.

Соб.: Не помните?

Инф.: Я не буду врать, я не помню.

Соб.: Вы знаете это по рассказам или...

Инф.: Да.

Соб.: По рассказам?

Инф.: Конечно. Конечно.

Соб.: Что за музеем?

Инф.: И это я знаю еще почему – мы там близко жили.

Соб.: Ага!..

Инф.: Ну я была ребенок! Мне было пять лет, когда началась война!

Соб.: А почему вы думаете, что это была настоящая шил, и не просто снимали комнату...

Инф.: Нет, нет! Не снимали до войны, не было молильных домов. А были настоящие синагоги, потому что здесь очень было развито – хасиды. Здесь было очень развито, с Брацлавом связано. С Меджубашом. Это было очень... это с одной стороны была религия, а с другой стороны была... торговля бойкая очень. И было очень много евреев. А раз было много евреев, то были синагоги.

Соб.: Это понятно...

Инф.: А мы там жили, мы жили в этом, рядом с Могилевской. Мы получили квартиру там. Папа мой работал и получил квартиру. И когда была бомбежка...

Соб.: Нет, где Могилевская, я не знаю.

Инф.: Ой, вам надо с ней встретиться, Алла! Это очень интересный человек!

Соб.: Я понимаю...

Инф.: Хоть она и старая дура, но она... ой, ужасная дура! Вбила себе в голову, что кто-то к ней приходит трусики воровать! Ну... старческий маразм. Но дело в том, что она очень начитанная, развитая. Но она не тульчинская сама, она винничанка.

Соб.: А... хорошо. Тогда еще вот... мне Тираспольский Николай... Николай...

Инф.: Нахманович.

Соб.: Нахманович. Он мне показывал рядом с его домом вот эту красную руину, огромное это здание, которое построено на месте...

Инф.: Да. Это синагога, сохранилась... эта синагога единственная сохранилась после войны. И это здание оккупировал ветеринарный техникум.

Соб.: Да, это вот он говорил.

Инф.: И они снесли почти. Не почти, а снесли!

Соб.: Снесли.

Инф.: И на этом месте они начали строить, и Бог им не дал построить! Видите?

Соб.: Это видно.

Инф.: Всевышний держит союз с евреями! Они никакого не имели толка от того здания! А если бы они его не тронули, то (после войны еще было немножко здесь евреев), то, может быть, его бы восстановили, как восстановили другие здания! И люди бы имели где помолиться.

Соб.: Но они его разрушили, это уже, наверно, в семидесятые годы?

Инф.: Они где-то в шестидесятый, пятьдесят восьмые годы...

Соб.: Так давно?

Инф.: Да. Потому что я...

Соб.: Они его забрали под техникум и разрушили?

Инф.: Разрушили.

Соб.: Так давно стоит вот эта красная...

Инф.: Да. А это уже они строили! Это уже они строили.

Соб.: То есть они разрушили, оно стояло, а потом начали строить?

Инф.: Да. Начали вот эту стройку, и они ее не кончили.

Соб.: А вот у этой синагоги, может, вы знаете, не было у нее какого-то такого названия? Что она на рынке?..

Инф.: Я не скажу, я не знаю. Но синагога была еще тут... значит, где ресторан, вниз. Это была синагога для богатых.

Соб.: Это большая?

Инф.: Большая.

Соб.: Это вот она есть на почтовой открытке? Это я знаю, как она выглядела. Да... дело в том, что кто-то рассказал, я сейчас не помню уже, где, в каких-то... в каком-то интервью... может быть, не поняли наши ребята, что было рассказано... как-то сказали, что вот одна синагога аф целухос <? 0 28 04>. Что это могло значить?

Инф.: Аф целухос – это назло.

Соб.: Да. Но какая связь?

Инф.: Не скажу, не знаю. Врать не буду, не знаю. Но я помню, что когда нас забирали со школы в Печору, то часть людей забирали с синагоги в Печору, которая была расположена возле музея.

Соб.: Вот за музеем там?

Инф.: Да, да. Вот часть людей оттуда забрали. Часть людей забрали с Первой школы. Часть людей забрали с бани.

Соб.: С бани – в смысле, которая на Будгос?

Инф.: Баня находится... находилась...

Соб.: Или в центре?..

Инф.: Возле сберкассы.

Соб.: Это в центре города, а вот там, где Будгос?

Инф.: Будгос – это тоже была баня.

Соб.: Это старая баня, наверно?

Инф.: Да, да.

Соб.: А там был... может быть, тоже вы знаете... там была только баня или там была синагога с баней?

Инф.: Я не знаю.

Соб.: Не знаете...

Инф.: [смеется] Не скажу, не знаю. То, чего я не знаю, я не вру. Не знаю.

Соб.: Ясно...

Инф.: А после войны, когда уже синагоги не было, так уже были молильные (так!) дома. Уже ходили, крались, чтобы уже можно было на Йом-кипур помолиться, и услышать шаббат. И потом была уже в другом месте, у другой женщины, тоже, и приезжали туда эти паразитские милиции, забирали, разгоняли людей, забирали хозяев, наказывали... за что?

Соб.: А вот эта синагога, которая была за музеем, туда, между музеем как бы, и старым рынком, где-то в том месте...

Инф.: Да, да...

Соб.: Кто вам про нее рассказывал и что именно? Как вот вы, откуда вы знаете?

Инф.: Я лично в ней не была, в этой синагоге, может, родители и были, я не знаю. Может, и я была, но я не помню, не знаю. Я была маленькая. Но я знаю, что там была синагога. Я знаю, что с той синагоги людей выгнали и погнали этапом в Печоры.

Соб.: То есть вы знаете именно в связи с Печорой?

Инф.: Да. А прививки всем делали в Первой школе. Прививали всем тиф.

Соб.: Это вы рассказывали, да.

Инф.: Это был доктор Белецкий, в Тульчине...

Соб.: Да, это вы рассказывали...

Инф.: И он был как хороший бандюга. И решили сделать по несколько доз, чтобы люди быстрее умерли. И когда нас погнали, то на ночь... мы дошли до села Тóркова. В этом Торкове были конюшни. В этих конюшнях мы ночевали, стоя. И когда уже утром, было утром, то уже было очень много трупов, и уже нас погнали дальше. И когда нас пригнали в Печору, то сразу часть людей разместили в большом здании, там где был когда-то не то дом отдыха, не то санаторий до войны, вот, а часть людей, уже не было куда, так в бараки тифозные. И этот Белецкий приезжал каждый день, интересовался, сколько людей уже умерло, и всё кричал, что ему мало!

Соб.: Да, это вы рассказывали. Ужасная история!.. А вот, все-таки... ну, кто-то, видимо, говорил, что, вот, нас пригнали, что нас собрали в этой синагоге, да? Вы могли знать только в связи с этим?

Инф.: Я могла только знать от людей.

Соб.: А они как-то ее называли? Или как ее... как вы поняли, что она за музеем?

Инф.: Я не слышала названия именно этой... Я помню, что она, мне так сказали, рассказывали люди, что за музеем, вот эта синагога послужила последним пристанищем для части людей Тульчина перед Печорой. И... А часть людей они уже выгнали с Первой школы.

Соб.: Это вы узнали, когда вы уже интересовались всем, как это было, или раньше?

Инф.: Нет, я раньше...

Соб.: Это вот уже в эти годы?

Инф.: Да, уже я потом, да. Да. Я малая была – раз. Во-вторых, Алла, я не думала о синагоге!

Соб.: Да я понимаю, я просто...

Инф.: Я думала, как бы мне выжить и брата спасти!

Соб.: То есть это когда вы начали вот заниматься, община, что-то, вы разговаривали с пожилыми людьми?...

Инф.: Да, с пожилыми, я от них уже это всё слышала.

Соб.: Как это могло быть? Вы могли спросить: что, где вы были, как...

Инф.: Откуда вас гнали?

Соб.: И они вам сказали, что... [говорят одновременно нрзб]

Инф.: ...Они сказали: того оттуда, того оттуда, того оттуда.

Соб.: И они сказали: что вот, нас собрали в синагоге... как они сказали: не за музеем, а как?

Инф.: Эээ... возле музея.

Соб.: Возле музея...

Инф.: Возле музея была синагога, было отдельно женское отделение, было мужское, ну, так, как у нас положено. Я теперь так думаю, что это, наверное, тот дом, который заселенный, что там очень много квартир. Я себе так думаю, что это, наверно, за музеем, прямо вот так: музей идет вот так...

Соб.: По Пушкинской.

Инф.: Да...

Соб.: Ой, не по Пушкинской, а по Гагарина.

Инф.: ...А вот так идет улица Кармелюка. И вот там, я считаю, что там в этом здании... может, оно измененное, может...

Соб.: Да...

Инф.: Может, за это время, но там оно большое, было двухэтажное в свое время, и я считаю, что там была синагога.

Соб.: Угу... интересно... да, интересно. А еще такой вопрос: а вот такие названия, как... *Ричкегос*...

Инф.: Я лично не слышала.

Соб.: Не слышали...

Инф.: Но я знаю, что *Ричкегос* – это там, где река.

Соб.: Ну да, это понятно...

Инф.: Ричке, да. Но я не знаю даже, какая это улица.

Соб.: Не пользовались?

Инф.: Нет. Нет.

Соб.: А вот какое-нибудь... а вот Главный гос? Говорили уже вот после войны?

Инф.: После войны – да. После войны <0 34 11-16> это Главный гос.

Соб.: А шилгос?

Инф.: Шилгос – это та улица, где были синагоги. Я не знаю, какая. Я себе представляю, что это Тридцать лет Победы. Туда, что шла вниз, там где богачи молились. Вот я себе думаю, что то была Шилгос.

Соб.: Похоже, похоже...

Инф.: Вот то, я думаю, была Шилгос.

Соб.: Но уже на вашей памяти после войны не говорили, что, вот, на Шилгос.

Инф.: Нет, конечно, там уже ж ничего не было. Там есть какие-то двухэтажные, трехэтажные, но я не знаю, там была синагога или нет.

Соб.: Ну да, понятно.

Инф.: Вот тут дом, где возле гостиницы Глитлиха... Глитлиха, я считаю, что у него была своя синагога. Молились у него там, в той части. Знаете? Вот он очень был богатый человек, и он себе мог это позволить. И его дом еще был возле базара нового. Вот там, где... его уже разобрать надо давно было... и с этими балконами длинными, такой вот...

Соб.: Что-то я уже... пока не понимаю... Светилик сказал, что здание музея принадлежало вот этой семье.

Инф.: Нет. Я не знаю. Я скажу вам: здание музея не могло принадлежать его семье, почему? Потому что здесь было Общество декабристов Южное, здесь стояли воинские части. Здесь, вы же видите, эти пушки-шмушки... это не у Глитлиха было.

Соб.: Ну это уже в музее появились эти пушки.

Инф.: Глитлих богатый был человек, но его дом был вот где Сохнут, где загс; его дом был возле базара, потому что ему было выгодно возле базара, что там торговля шла бойкая, и все такое... он был очень богатый человек. Потом, здесь, вот где музыкальная школа, где была ихняя жандармерия и так далее, – это тоже еврейский дом. Это тоже какого-то большого богача, прошлого. Вот. Было много еврейских...

Соб.: А вот это здание двухэтажное, это как идти ко дворцу, слева, такое двухэтажное здание...

Инф.: Почта. Почта была, старая почта.

Соб.: А там написано «Аптека», осталось...

Инф.: Там, может быть, и была аптека тоже, но там была почта.

Соб.: Почта?

Инф.: Да. Там была почта.

Соб.: А вот те люди, которые рядом живут, они говорят, что какой-то Шаргородский там...

Инф.: Шаргородский – это зубной... стоматолог был, но Шаргородский аптекой не командовал и не ведал, у него аптеки не было. Он был очень богатый человек, но он был стоматолог. И он, и сын его был стоматолог.

Соб.: Так они в этом доме жили просто?

Инф.: Они жили... нет. Они жили туда дальше, во двор, там был старый ихний дом, и они возле старого построили себе... дворец такой. А тот продали.

Соб.: Возле старого?

Инф.: Вот так, когда заходишь туда вглубь...

Соб.: Да...

Инф.: Вот там есть красивый дом, это новый. А туда чуть-чуть правее, – там тоже хороший еще был дом, но они имели откуда, они себе построили новый дом, а тот продали.

Соб.: То есть все равно всё это в глубине, и то здание, которое по улице, это не их?

Инф.: Не их, нет. Это не их. Это была почта.

Соб.: Интересно.

Инф.: А тут по Ленинской, по центральной, то был заезжий двор, вот. Туда люди заезжали, там ночевали, пили чай и так далее. Особенно... тут же такая была торговля! Столько было со всех сёл и со всех местечек! Счас базар наш не узнать. Нэма жидив, нэма кому даже продаты.

Соб.: Да, это так говорят...

Инф.: Да. Но, между прочим, они жалеют за евреями. Они жалеют.

Соб.: Да...

Инф.: Они все время говорят: было дóбре и вам, и нам. Да, я помню времена, что три рубля была курица, пять рублей была курица. А сейчас вы за сорок не купите.

Соб.: Но при этом, я вот иногда спрашиваю про дома, особенно тех, кто, случилось, купили еврейский дом, перестроили, спрашиваю...

Инф.: Очень много есть...

Соб.: Вот, и они считают, что евреи не умели строить дома.

Инф.: Не умели. Почему не умели? Я тебе скажу. Евреи были в основном бедные. Они... детей было много, семья была большая. И они были счастливы, если они имели на субботу хороший обед. Так, как оно было. Поэтому евреи не умели, это раз. Во-вторых, они сильнее были евреев, они умели свою силу приложить. А еврей – он всё ждал, чтоб ему кто-то сделал, потому шо он не умел этой работы. Он умел другое: он умел торговать, он умел быть ростовщиком. Он умел красить, он умел сапожничать, он умел другие... всякие дела. А строить он таки не умел. И тогда объединялись, допустим, два брата, и сестра, и делали какие-то небольшие кабинки, небольшие домики, и так жили. А детей-то было много.

Соб.: Но есть очень хорошие дома, такие, правда, длинные, но, в общем, ничего, вполне...

Инф.: Ну не все же люди одинаково умеют это всё. Кто-то умеет математиком быть, кто-то историком, а кто-то может быть хорошим, я не знаю, профессором, так далее, врачом. Это такое дело...

Соб.: Хорошо, тогда вот может быть, последний вопрос. По рассказам, по всему: если так представить себе какую-то такую жизнь довоенную, вот такой хороший еврейский дом. Вот, например, какая-то... комната, где там могли... не знаю... в субботу собираться: как она должна была выглядеть? Вот с вашей точки зрения? Что там должно быть?

Инф.: Я даже не знаю, что вам сказать. Я знаю, что здесь был Бунд. Бунд – это вы знаете, это революционеры своего рода.

Соб.: Да...

Инф.: Вот. Они построили... еврей руководил стройкой, построил вот старый горсовет. Этот, где Парк славы, вот. Это было давно. И в этом горсовете были большие залы. И в этих залах собирались евреи, община еврейская. Тут они могли выбирать себе ээ... кого им там надо было, председателя... это сейчас председатель, а тогда оно по-другому называлось. И отчеты слушали, раввин мог выступить, сказать пару... что он там считал нужным. А чтобы... ходили в шинки тоже евреи, ходили, пили тоже! Я даже помню, как мама давала папе рюмочку!

Соб.: Ну а почему нет?

Инф.: Я помню это! Потом, я помню, как папу арестовали. Я была очень маленькая, вот. И бабушка моя покойная сказала: что если (его в народе называли Нюня). Его звали Эйнах. А по-еврейски <0 41 49> Генюня, Генюня стал Нюня. Так бабушка говорила, что если Бог даст, что она его увидит живым, она сделает пир. И его отпустили! Я не знаю, как его отпустили, но его отпустили. Бабушка наварила повидла, знаете, как тогда варили? – большой котел...

Соб.: Вы рассказывали.

Инф.: Была лопата, и мешали, и всё это вот, и варили, с утра до вечера. Она наварила повидла, она <0 42 21> делала, она в общем, что могла, собрала, и собрала нашу родню. У него было два брата, и сестра была, ну и в общем, они все были женатые, и замужние, и уже были дети, и вся родня праздновала возвращение моего папы. Вот это я запомнила... а много ли тогда было, что я могла ребенком тогда маленьким? Я очень запомнила, что когда... когда уже должны были зайти фашисты, мы эвакуировались. На подводе. Ну, собрали все, что там, пожитки. Его сестра с мужем, у них не было детей, мы... короче, поехали. Но мы же не понимали, что это будет и к чему это идет! Останавливались в селах, ели борщ, как сегодня помню! И до того доелись, что итальянцы на мотоциклах перерезали нам дорогу, и всё! Мы вернулись в Тульчин. И когда мы зашли к себе домой, так уже не было ничего дома. Всё разграбили, растаскали, мне ничего не было жалко, единственное, что я плакала, – что вот забрали мою куклу. Ребенок!

Соб.: Вы говорили...

Инф.: Да. Поэтому... а где так они особо собирались, я не могу сказать.

Соб.: Ну вот говорили, что в еврейских домах иногда был такой... это считалось, как-то, что был буфет какой-то, где, который занимал такое важное место в комнате.

Инф.: Да, да. Это типа стенки, да. Это были буфеты, в этих буфетах когда-то хранилась посуда, в этих буфетах, ну, такое всё для субботнего праздничного стола: хорошая скатерть белая, рюмочки,

стопочки, тарелочки, и всё такое. Всё, как было, буфет – это было шикарно, это было очень <0 44 21>, это были богачи, так сказать. Но я помню, что у нас дома буфет был. Да.

Соб.: А вот еще мне рассказали такую штуку, но я не знаю, насколько это было... это у... у Клары, по-моему, она рассказала.

Инф.: Клара сама с Бершади (?)

Соб.: Да. Но это в данном случае не так важно. Она говорила о том, что... или, может, это не она... в общем, когда надо было что-то, делали ремонт в доме, и надо было убрать печку.

Инф.: Нельзя было убирать печку. Печку не разрешается убирать. Считается, что печка – это хранитель очага домашнего.

Соб.: Да. Ну вот она сказала, что надо было идти к раввину.

Инф.: За разрешением. Я такого не знаю, что почти во всех еврейских домах, вот Изина мама пекла всегда хлеб. Ну в селах, в местечках это было проблема с хлебом. Дети, детей много, просят, хотят, – замесила, спекла, еще и на неделю не хватало! Приходилось где-то в четверг, в среду второй раз печь.

Соб.: Допекать.

Инф.: Да.

Соб.: То есть, вы вот такого не слышали, что надо делать, если надо убрать печку?

Инф.: Нет, я этого не знаю.

Соб.: А если перестройка тоже, и надо дверь заделать? Такого тоже не слышали?

Инф.: Я не знаю, я не знаю. Я не скажу...

Соб.: Ну вот она рассказывала... я не помню уже сейчас, кто, всё в голове смешалось, что шли к раввину, и вот тоже, когда строишь дом, тоже надо было что-то спросить... не знаете...

Инф.: Не знаю, не скажу, я до войны даже не помню ни одного раввина, честно.

Соб.: Нет, ну это понятно, что это только по рассказам.

Инф.: Я не помню. Я только знаю, что дедушку моего звали мойшедувид, но он был краснодеревщик, столяр. И так он и был в городе: Куды ты идэш? – До мойшедувида столяра. Вот так, не называли так: Вайнблат, фамилию, а вот таким образом общались.

Соб.: Так а тот буфет, который был у вас в доме, это не его была разве работа?

Инф.: Это было уже у моих родителей. А работа ли была его – я не знаю. Может быть, что и его, потому что он очень красивую делал мебель, и всегда у него были заказы, а бабушка и тетя, значит, папина сестра, торговали водкой. Ну, помню, как сегодня.

Соб.: Ясно... Ладно, я боюсь, что я...

Конец записи